

— Спасибо, маленький посланник богов, ставлю тебе пять звезд. — Сяо Жофэй вытащил медовую сигару с миндалем, откусил половину, запил кофе и проглотил. — Где ты нашел эту штуку, вкусно.

Увидев, как колючая тень превратилась в лужицу меда, Гу Чуньлай тоже расслабился. Он держал кружку с горячим какао, долго дул на него, прежде чем сделать маленький глоток.

— Боишься обжечься? В холодильнике есть молоко. А ты, разве кофе на ночь не мешает спать?

— Ничего, это слабый кофе, — Сяо Жофэй сделал глоток и поморщился. — Какао с десертом — слишком сладко.

— Ты тоже можешь жаловаться на сладость.

Гу Чуньлай, поджав ноги на стуле, засмеялся. В прошлом Сяо Жофэй мог за раз опустошить весь десертный стол. И при этом его фигура оставалась почти идеальной, вызывая зависть. Сяо Жофэй, не сдаваясь, начал дразнить Гу Чуньлая, отбирая у него какао, щекоча каждую щекотливую точку на его теле. Гу Чуньлай уворачивался, Сяо Жофэй преследовал, и в их толкотне они случайно наткнулись на угол кровати, потеряли равновесие и вместе упали на постель.

Над ними горел яркий свет, за окном была непроглядная тьма. После шума они молчаливо замолчали, глядя друг другу в глаза. Они лежали на одной кровати бесчисленное количество раз, плечом к плечу, голова к голове, нога к ноге, их дыхание переплеталось в тишине ночи. Но Гу Чуньлай никогда не чувствовал, как сейчас, когда сердце сдавило горло, не давая произнести ни звука.

Первым заговорил Сяо Жофэй:

— Вы с ним обсудили? Решили?

Гу Чуньлай покачал головой:

— Яньнань настаивает, чтобы я пошел. Да и в моем контракте есть пункт о рекламе. Если не поеду, придется платить штраф.

— Штраф большой?

— Продать дом... вроде хватит. — Гу Чуньлай горько усмехнулся. — Я не так много стою.

— Не говори так о себе, — Сяо Жофэй откинул прядь волос, закрывавшую его глаза. — Дурак, в следующий раз... внимательно читай контракт.

Гу Чуньлай понимал, что в словах Сяо Жофэя не было упрека, но это «дурак» словно молот ударил по его сердцу. Он никогда не чувствовал такого беспокойства, почти грубо перебив собеседника:

— Я читал, правда читал, каждое слово, где были сомнения, спрашивал, и только потом подписал. Я думал, все в порядке...

Он знал, что его небрежность принесет многим проблемы. Поедет он или нет, в итоге кому-то придется уступить.

— Раньше на съемках он не привлекал меня к рекламе, правда, посмотри, у меня даже нет аккаунта в Weibo. Никаких утечек, интервью за кадром — я почти не появлялся. На постере моя голова вот такая, — Гу Чуньлай начал волноваться, дыхание участилось, он сжал указательный и большой пальцы, оставив между ними крошечный промежуток. — Моя голова размером с игольное ушко, только с лупой разглядишь. Что я могу сделать? Зачем ему сейчас вдруг понадобился я?

— Я не он, не могу гадать о его мыслях и выдавать это за правду, это несправедливо по отношению к тебе. — Сяо Жофэй замолчал, подумав, прежде чем продолжить. — Ты умеешь играть, но опыта общения с публикой у тебя слишком мало.

Гу Чуньлай искренне кивнул.

— Конечно, при составлении графика съемок мы тоже должны были это учесть. Это моя ошибка.

— Нет, нет, конечно нет.

Сяо Жофэй, который сам пострадал, все еще утешал его с невероятной нежностью. Гу Чуньлай, захлебываясь в раскаянии, инстинктивно хотел отступить, уйти из этого слишком мягкого ложа, но был схвачен и больше не мог убежать.

Нежность на лице Сяо Жофэя сменилась серьезностью. Он заговорил тем же тоном, что и при обсуждении контракта:

— Чуньлай, первый этап, сколько продлится период рекламы, пересекающийся с нашими съемками?

— Меньше двух недель.

Сяо Жофэй с облегчением вздохнул.

— Поезжай. Поезжай с Яньнанем.

— Я не хочу! — Гу Чуньлай выпалил, только сейчас осознав свои чувства.

— А как иначе? Дата выхода уже назначена.

Гу Чуньлай, не обращая внимания, сжал кулаки, и его голос обрушился, как ливень:

— Кто может поехать на рекламу — пусть едет, кто не может — пусть платит штраф. Я не хочу влиять на качество этого фильма, не хочу терять наработанное состояние, не хочу заставлять столько людей подстраиваться под меня, не хочу задерживать съемки!

— Чуньлай, успокойся, не торопись, дай мне договорить.

Гу Чуньлай вспомнил свои прошлые сожаления и вдруг замолчал.

— В любом случае, не доводи до разрыва контракта, — Сяо Жофэй, глядя на успокоившееся лицо, продолжил. — Для режиссера, оператора перестановка в съемках не так страшна. Если только не менять сцену в последний момент, все решаемо. Больше всего пострадают актеры. Мы снимаем по ходу сюжета, чтобы актерам было легче войти в роль.

— Я все равно подвел других.

Сяо Жофэй положил другую руку на плечо Гу Чуньлая:

— Любое изменение решения обязательно кого-то затронет. Но такая ситуация в индустрии очень, очень распространена. У всех бывают непредвиденные обстоятельства. Не нужно из-за этого навешивать на себя ярлык нарушителя контракта и жертвовать будущим.

— Столько людей пострадают из-за меня. Ради меня... ради меня пойдут на ненужные жертвы.
— Гу Чуньлай сжался в комок, уткнувшись головой в колени, все его тело дрожало.

— Если уж так считаешь, перед отъездом извинись и объяснись перед всеми, кого это затронет,
— Сяо Жофэй мягко улыбнулся, хотя за окном не было луны, перед глазами было светло. — Я пойду с тобой.

Гу Чуньлай, полный сомнений, высунул голову из своего «панциря».

Сяо Жофэй поднял свой телефон, убавил яркость до минимума, затем перевернул экран и показал Гу Чуньлаю.

— Это будет непросто, но съемки не пострадают, и актерам будет легче вжиться в роль.

На светящемся экране телефона была четко составленная таблица, вверху которой было написано: График съемок Гу Чуньлая. С завтрашнего дня и на две недели вперед таблица была пуста. А следующие две недели были заполнены до отказа, почти без перерывов, до самого конца съемок.

Гу Чуньлай взял руку Сяо Жофэя, поднес к лицу, почти касаясь экрана. Его зрение затуманилось, он потерял глаза, и они наполнились слезами.

— Чуньлай, я твой сообщник, эту ответственность мы разделим. В будущем не пытайся все брать на себя.

Возможно, от усталости, а может, от сброшенного груза, той ночью Гу Чуньлай быстро уснул, и наступил рассвет.

На следующее утро он проснулся и обнаружил, что его аккуратно укрыли одеялом, а Сяо Жофэя уже не было в комнате. На месте, где он спал, осталась едва заметная вмятина, и, прикоснувшись рукой, можно было почувствовать остаточное тепло.

Он огляделся: кружка с какао, стоявшая на столе, была пуста, рядом лежало несколько пакетиков какао-порошка и записка. Развернув ее, он увидел почерк Сяо Жофэя, неровные буквы, которые он с трудом разобрал. Это был рецепт горячего какао и фраза: «Все улажено, счастливого пути».

Все улажено.

За этими простыми словами скрывалось столько сложностей, что Гу Чуньлай даже боялся думать. А этот заботливый человек даже не хотел, чтобы он прошел через все эти хлопоты.

Он несколько раз перечитал записку, согрел ее в ладонях, затем аккуратно сложил в квадратик размером с телефон, снял чехол, положил туда, сложив вместе с уже заломленной бумагой, и вернул чехол на место.

Теперь у Гу Чуньлая не было причин сомневаться.

Позавтракав, попрощавшись с членами съемочной группы, с которыми он непосредственно работал, он один, с телефоном и удостоверением личности, сел на скоростной поезд и вернулся в Цзинчэн.

В тот же день Гу Чуньлай вовремя появился в студии «Фэйсян».

Увидев его, Бай Яньнань не удивился, как и Гу Чуньлай не удивился тому, что Бай Яньнань уже покинул Байшуй.

<http://bllate.org/book/15563/1415719>